

Русский "Отелло" в Королевской опере

... В НАЧАЛЕ февраля на сцене Королевской оперы Ковент-Гарден прошел последний в этом сезоне спектакль "Отелло" Верди, примечательный во многих отношениях. Все (!) главные партии в опере исполнялись русскими певцами (кстати, я стал свидетелем редкого случая: после очередного спектакля за кулисы зашел выразить свой восторг посол России в Великобритании Анатолий Адамишин; однако представители всех российских средств массовой информации и на сей раз не покинули уютного журналистского паба на Флит Стрит).

У КАЖДОГО из солистов с этой "немолодой" уже постановкой режиссера Ильи Мошински (премьера состоялась восемь лет назад) связано нечто особое. Так, формально остающийся солистом московского Большого театра Владимир Богачев, исполняющий партию Отелло, замечательно дебютировал на сцене Ковент-Гарден, заменив англичанина Денниса О'Нила - неубедительного актера, забывавшего порой то музыку, то текст, - и просто "влюбил" в себя взыскательную публику Ковент-Гарден, известную своей придирчивостью к иностранцам. Забавно, что "доброжелательная" московская критика около десяти лет назад предрекла певцу... "творческую смерть". В одном только "присяжные" критики оказались правы: Владимир Богачев практически "умер" для Большого театра, успешно выступая в Метрополитен, Ла Скала и многих других оперных компаниях Запада.

А Яго Сергея Лейферкуса - это злодей, если можно так выразиться, получивший признание не только во всей Европе, но и за океаном. Что касается моих личных впечатлений, то образ Яго, творимый Лейферкусом на сцене, порой заставляет меня вспомнить о колебаниях Верди - как лучше назвать

оперу: "Отелло" или "Яго"... Не так давно Лейферкус пел Яго на сцене Ковент-Гарден в этой же постановке с Пласидо Доминго в заглавной партии; за дирижерским пультом стоял прославленный маэстро сэр Джордж Шолти. Видеозапись этого спектакля сейчас необычайно популярна в мире, имеет прекрасную критику и входит в "топ" лучших видеоопер. Фирма "Дойче Граммофон" выпустила компакт-диски "Отелло" с Доминго и Лейферкусом под управлением дирижера Чунга (бывшего художественным руководителем парижской "Оперы-Бастиль" вплоть до недавнего скандала, которые так, увы, характерны для "Бастиль" в последнее время). Опять-таки в той же самой постановке (правда, в другом оформлении, выполненном с учетом особенностей сцены) "в обличье" Яго и в дуэте с Доминго Лейферкус побывал на сцене Метрополитен Опера, где спектакль "Отелло" был приурочен к небольшому юбилею: двадцатипятилетию со дня дебюта Пласидо Доминго на сцене Мет.

Обстоятельства сложились таким образом, что нынешним спектаклем Сергей Лейферкус встретил другой юбилей, на сей раз - свой собственный: 25 лет творческой деятельности на оперной сцене. Двадцать пять лет, из которых как минимум

пятнадцать я - так уж получилось - имел возможность наблюдать за ним с попеременно сменявшимися и дополнявшими друг друга интересом, уважением и восторгом.

Начав свой путь с Ленинградского театра музыкальной комедии, встретить юбилей (уверен - не последний) на сцене Ковент-Гарден!... Бесспорно, здесь есть чем гордиться. Очутившись однажды в кабинете певца (разумеется, с ведома хозяина), кроме многочисленных фотографий с теплыми и уважительными посвящениями певцу от коллег (а среди них - Сейжи Озава, Зубин Мета, Джордж Шолти, Пласидо Доминго, Риккардо Мути, Мишелла Френи, Кири Те Канава, Николай Гяуров), я заметил также внешне почти ничем не примечательный документ. При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что это - благодарственное письмо за "счастье, доставленное своим выступлением в юбилейном концерте, посвященном 80-летию юбилею сэра Джорджа Шолти", написанное... принцем Уэльским Чарльзом.

По законам жанра самое быстрое поведение читателю, что "звезда Лейферкуса взойшла"... - и так далее. Но "звезда" Сергея восходила очень постепенно; его карьера развивалась (как это, увы, нередко в России) не "благодаря", а "вопреки". Свою работу в опере в Ленинграде он начинал под дружное шипение коллег из кулис: "опереточный голос"... Я позволю себе напомнить оперный анекдот, доставшийся нам в наследство со времен Императорских театров, но который и поныне актуален в России: дирижер, в отчаянии ломая палочку, кричит в сердцах на сцену: "Боже мой!

С вами невозможно работать - вы полный идиот!..." На что певец, солидно кашлянув, отвечает: "Ваша правда, батенька. Но каков, однако, голос!..." Сергей же начал свою работу "от противного" - противного многим нашим дирижерам и певцам: поиска особенных выразительных средств для каждой партии, пластического ее рисунка; "языка" корпуса и жеста; различных приемов актерского мастерства; тщательного продумывания каждой роли. Лейферкус не любит корриду, но знает о ней ВСЕ, поскольку в "Кармен" он выходит на сцену в образе Эскамильо; в "костюмных" ролях он выглядит не фельдфебелем в карнавальной одежде, как многие его коллеги в той же Мариинке; и даже в страшном сне я не смогу представить Онегина-Лейферкуса держащим руки в карманах во время объяснения с Татьяной...

В своем творческом становлении Сергей, думаю, многим обязан Юрию Темирканову, который в бытность свою главным дирижером Кировского пригласил Сергея специально для "Войны и мира" Прокофьева и впоследствии сделал "на Лейферкуса" партии в хрестоматийных уже постановках "Онегина" (Онегин) и "Пиковой дамы" (Томский). Кроме того, в годы "застоя" Кировский театр не находил "излишним" существование камерной сцены - и опера-буфф Доницетти "Колокольчик" (так называемая "комедия с переодеваниями" - своеобразный бенедикт для баритона, где на протяжении одного акта он предстает в четырех абсолютно разных обличьях, в том числе - и гротесковом шарже на оперного баритона) стала для меня одним из самых ярких

воспоминаний о "советском периоде" в творчестве певца - так же, как и его блистательный Чичиков в "Мертвых душах" Щедрина.

В российской прессе мне приходилось читать высказывания некоторых коллег Сергея о том, что "личная дружба Лейферкуса с Темиркановым обеспечила ему быстрый взлет в Кировском - в то время, как другие певцы "зажимались", "были лишены возможности выйти на сцену" - и так далее. Я спросил об этом Сергея напрямую. "Дружбой с Темиркановым я горжусь, - ответил он. - Так же, как горжусь дружбой с Мути или Шолти, поскольку в основе этих отношений лежат близость артистических взглядов, общность творческих интересов... В любом случае - первым был творческий контракт, дружеские отношения пришли позже. И если даже в некоторых партиях и предпочитал меня Темирканов другим певцам (что опровергать я и не собираюсь!), то, наверное, это не повод для горьких обид. Сегодня же никому не приходит в голову жаловаться (кому?!), что Метрополитен пригласил на какую-то партию певца Икс, а не меня; а Скала (или Риккардо Мути) приглашает певца Игрек, а о солисте Зет и слышать не хочет..." От себя же я добавлю, что, когда ни Лейферкуса, ни Темирканова в Кировском давно уже нет, слышать подобное по меньшей мере странно - ведь сейчас судьба каждого в собственных руках, и от вокалистов-мастеров ни один театр мира не отказывается...

...Голос Сергея за последние годы окреп, обогатился низкими, грудными тонами - "заматерел", как говорят вокалисты. Но самое, на мой взгляд, важ-

ное - это не то, что голос оперного артиста приобретает с годами, но то, что он не теряет. Лейферкус, начинавший свою карьеру как баритон безусловно лирический, рано научился свободному владению своим голосом (а иметь голос и владеть им - понятия далеко не равнозначные)! И как мало кто другой Сергей может выразить любую эмоцию, любое движение души, прибегая лишь к тембрам, к краскам своего голоса. Поэтому вовсе не удивительно, что настоящим триумфом в его творческой судьбе стало выступление в партии Скарпина ("Тоска" Пуччини). Английские газеты написали тогда (есть в английском языке такая идиома), что "Лейферкус в наши дни - единственный баритон, кому не были тесны ботинки непревзойденного Тито Гобби".

Между прочим, это очень старая постановка! - вспоминает Сергей. - Шедевр Дзеффирелли бережно сохраняется в Ковент-Гарден и возобновляется каждый год на протяжении вот уже 26 лет. Я обожаю этот спектакль и, если можно так сказать, превосходно в нем себя чувствую!

Но почему именно Скарпина? Ведь твой Рангони, твой Онегин тоже отмечены критикой достаточно восторженно...

- Знаешь, я баритон. "Душкатель" всегда будет объектом поклонения публики - даже столь аморального типа, как Герцог в "Риголетто". И благородство Онегина никак не перевесит симпатий зала (да и самого Чайковского!) к Татьяне. Я же, в силу особенностей своего голоса, обречен на ампулу злодея. И здесь партия Скарпина дает мне широчайшее поле для деятельности: я могу создавать образ,

характер: ведь помимо того, что Скарпина - одно из главных действующих в опере лиц, он исторически абсолютно реальная личность! Это необычайно будит фантазию; тем более что нам, русским, за историческими примерами далеко ходить не надо...

Да, нам - русским - не надо ходить за историческими примерами хотя бы потому, что нас они все равно ничему не учат. Я испытываю необычайную гордость, когда "наши" - народный артист России Сергей Лейферкус, взявшись за руки с другими исполнителями главных партий, - в очередной раз выходили на поклон, вызывая нечто вроде маленького землетрясения: "холодная и чопорная" английская публика, когда ей что-то очень нравится, начинает вдобавок к аплодисментам неистово колотить ногами в пол! И в то же время старался не вспоминать о "наших" - тех пожизненных лилипутах-руководителях "от искусства", которые, ублажая свои ничтожные амбиции, различают петербургскую и московскую публику с любимыми артистами. Мариинский театр, которому Лейферкус отдал пятнадцать лучших (и "невъездных") лет, конечно же, "забыл" о юбилее (кстати, несмотря на творческие заслуги и звания, в Кировском театре Сергею "положили" оклад по самому низкому разряду - доброй традицией тамошней администрации стало "заглядывание в карманы" солистов и распределение денег "по лояльности")... И на вопрос известного советского поэта, с пафосом вопрошавшего: "Если звезды зажигают - значит, это кому-нибудь нужно?" - могу ответить со всей определенностью: нет. По крайней мере - в "новой" России.

Кирилл ШЕВЧЕНКО

Смелая. - С. - ПБ. - 1995. - 5 апр.

276

5.4.95.

Лейферкус Сергей